
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941—1943 ГГ.)

Е.И. Журавлев

Кафедра истории и политологии
Ростовский государственный строительный университет
ул. Социалистическая, 162, Ростов-на-Дону, Россия, 344062

В статье автор рассматривает проблему военно-политического коллаборационизма, который получил довольно широкое распространение на юге России в годы Великой Отечественной войны, даже несмотря на стремление высшего нацистского руководства во главе с А. Гитлером ограничить коллаборационизм (сотрудничество с оккупантами), особенно в военно-политической сфере. Причинами этого явления был целый ряд факторов политического, социально-экономического, национального и религиозного характера, который привел к возникновению в регионе значительного количества недовольных советской властью, особенно в среде казачества и горских народов, вошедших в состав национальных комитетов, пополнивших ряды восточных легионов, казачьих частей и сотен, воевавших на стороне фашистской Германии.

Ключевые слова: коллаборационизм, политический коллаборационизм, национальные комитеты коллаборационистов, Комитет по казачьим делам, оккупационная политика, юг России, группа немецких армий «Юг», казачество, горские народы, военнопленные, военный коллаборационизм.

Руководители фашистской Германии рассматривали юг России как один из центров предполагаемого сепаратизма, а казаков и горцев — как ненадежное для советской власти население. В связи с этим нацисты рассчитывали в оккупационной политике использовать все просчеты и преступления советского руководства в отношении казачества и горских народов в период расказачивания, сплошной насильственной коллективизации и ускоренной индустриализации.

Провал гитлеровского плана «молниеносной войны» заставил нацистское руководство искать себе социальную опору среди населения оккупированной территории СССР, в том числе на юге России, который включал Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский края, автономные республики Северного Кавказа, Калмыкию и Нижнее Поволжье. Особое внимание немецким военным командованием уделялось развитию коллаборационизма, то есть сотрудничеству с местным населением, военнопленными в военной, политической и других сферах, в том числе экономической и административной.

При этом истинные цели фашизма раскрываются в документе, подписанном Гитлером: «Горцы по натуре очень наивны и легкомысленны. С ними работать легче, чем с другими национальностями... Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем... установить на Кавказе оккупационный режим, ввести в горы необходимые гарнизоны и когда в горах наступит относительное спокойствие, всех горцев уничтожить» (1).

До сих пор остается спорным среди российских и зарубежных историков вопрос о причинах сотрудничества советских людей с гитлеровскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны. Одни считают, что переход на сторону нацистов происходил по политическим мотивам для борьбы с советским режимом.

Историк А. Назаров утверждает, что в период Великой Отечественной войны была продолжена гражданская война между сторонниками советского режима и его противниками. Думается, что данное утверждение больше подходит для казачества и горцев юга России, часть которых была недовольна советским режимом власти. По свидетельству гитлеровских солдат и офицеров 1-й танковой армии, население, которое состояло из коренных кавказцев, настроено дружелюбно и приветствует немцев как освободителей. При этом целые общины и села запинываются в добровольцы и даже против желания высшего немецкого командования готовы участвовать в борьбе против Красной Армии (2).

Другая группа историков, в том числе С.И. Линец, И.А. Кирсанов и С.И. Дробязко, считают, что среди коллаборационистов все же преобладали люди, которые шли на сотрудничество с врагом вынуждено с целью выживания в условиях немецкой оккупации. По нашему мнению, утверждение второй группы историков ближе к истине.

Архивные источники показывают, что коллаборационизм советских граждан был порожден не столько симпатиями к фашистской идеологии и гитлеровской Германии, сколько теми социально-политическими условиями в СССР, которые были созданы советским режимом в 20—30-е гг.

При этом определенная часть населения юга России — представители репрессированной части казачества, горских народов — несомненно, встали на путь коллаборационизма, побуждаемые стремлением покончить с наследием ненавистного тоталитарного режима и не допустить восстановления советской власти. Здесь не исключались честолюбивые и карьеристские мотивы, а также психологические причины: страх перед жестокостью фашистов, стремление защитить и спасти свои семьи, выжить в условиях оккупации.

Коллаборационизм в политической сфере сознательно ограничивался немецким руководством. Однако на юге России он имел достаточное место, несмотря на то, что Гитлер отклонил проект Восточной декларации А. Розенберга — руководителя министерства по делам оккупированных Восточных областей. В данном проекте предполагалось создание на контролируемых фашистской Германией восточных территориях национальных представительств отдельных народов (3).

21 ноября 1942 г. главнокомандующим группы армий «Юг» стал фельдмаршал Клейст. Юг России произвел на него большое впечатление. При этом он считал, что без развития коллаборационизма нельзя покорить горские народы. Назначение фельдмаршала Клейста активизировало коллаборационистскую политику на юге России. В регионе стали формироваться национальные представительства и марионеточные правительства, например в Кабардино-Балкарии. В воззвании к кабардинскому и балкарскому народам говорилось о том, что новое правительство создано с целью упразднения в Кабардино-Балкарии советской власти, ликви-

дации колхозного строя и возобновления богослужения. В правительство входили помимо местных бывших советских чиновников эмигранты: князя Шекманов, Келеметов, Тавкетов и Узденов (4).

В городе Черкесске был создан Карачаевский национальный комитет, в который вошли бывшие белогвардейцы, кулаки, националистическая интеллигенция. Они поднимали антисоветские восстания в 20—30-х гг. и отделались мягкими наказаниями — 3 года ссылки в Сибирь. Комитет объявил Кисловодск своим городом, бургомистром которого был назначен Маждир Кочкаров. Он по решению комитета пригласил на праздник ураза-байрам в Кисловодск немецкое командование во главе с фельдмаршалом Клейстом. В конце праздника фельдмаршал произвел смотр эскадрона карачаевцев, добровольно вступивших в немецкую армию.

Нацисты на юге России преподносили себя «истинными друзьями ислама». В Кабардино-Балкарии, Карачае и других оккупированных районах региона гитлеровское командование широко использовало в своих целях ислам, представлялось его покровителем. Гитлер был провозглашен «великим имамом» Кавказа. При этом нацисты обещали оказывать определенную поддержку развитию родных языков и открытию национальных школ. Для убеждения горских служителей культа в любви к исламу командующий 1-й танковой армией генерал Э. Макензен принял эту религию и посещал мечеть. Для координации деятельности национальных горских комитетов в Берлине был создан Северо-Кавказский национальный комитет. При нем издавался журнал «Северный Кавказ» и газета «Газават» (5).

В Новочеркасске в октябре 1942 г. по указанию германского командования официально оформлен орган управления донского казачества — штаб Войска донского. В Ростове-на-Дону и Каменске были организованы его представительства.

При Ростовском представительстве с разрешения немецкого командования был создан комитет по казачьим делам. Постоянными членами его являлись:

— В.М. Одноралов — председатель комитета, бывший регент, полковник, глава представительства;

— М.А. Миллер — казак из обрусевших немецких колонистов, бывший крупный помещик, профессор Ростовского университета;

— В.В. Богачев — казак, дворянин, один из лидеров донского дворянства, профессор-геолог, заслуженный деятель науки;

— А.М. Иванов — профессор богословия, зав. отделом по делам религиозных культов Ростовского бургомистерства;

— С.М. Попов — инженер-строитель, планировался редактором донской казачьей газеты «Донская волна»;

— А.М. Чаусов — бывший хорунжий, секретарь комитета;

— М.Б. Краснянский — казак, инженер-геолог, бывший царский чиновник, судим за антисоветскую деятельность;

— И.Н. Фомин — юрист, консультант по государственно-правовым вопросам.

Как видим, в состав комитета вошли представители старой казачьей антисоветской интеллигенции, в прошлом связанной с белогвардейским казачьим генералом П.Н. Красновым.

Прежде всего комитет согласовал с немецким командованием вопрос о созыве в феврале—марте 1943 г. Малого войскового круга для избрания войскового атамана. В комитете было решено выставить кандидатуру генерала П.Н. Краснова. Кроме того, выдвигались предложения избрать Гитлера почетным атаманом Войска донского с поднесением ему избирательной грамоты и казачьего знамени, а начальника Ростовского немецкого гарнизона генерала Киттеля — почетным казаком Ростовской станицы.

Комитет по казачьим делам призывал к созданию казачьего сословно-буржуазного государства под протекторатом фашистской Германии, ставя перед немецким командованием вопросы о включении в данное государство Донской, Кубанской и Терской казачьих областей, а также присоединения соседних неказачьих районов — Таганрогского и Сталинградского.

В целях объединения казачества для борьбы с советской властью комитет широко рекламировал как будущего главу казачьего сословно-буржуазного государства белого генерала П.Н. Краснова, находившегося в то время в Берлине. В коллаборационистских газетах были опубликованы его письма на имя начальника штаба Войска донского полковника С.В. Павлова, содержащие призывы к усилению борьбы против советской власти под руководством фашистской Германии и ряд конкретных указаний. «Не сказочная «Казакия», — указывал он в одном из писем, — а союз Дона, Кубани, Терека и Кавказа, прочно связанный с Германией, будет образован на юге России» (6).

Входивший в состав комитета М.Б. Краснянский на одном из допросов после освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков признался, что приход на Дон немцев воскресил в нем желания на возрождение казачества по программе бывшего донского атамана белого генерала П.Н. Краснова. Он отметил, что комитет должен был разработать программу национального и государственного возрождения казачества.

При этом каждый из членов комитета разрабатывал определенный круг вопросов. Так, Краснянскому поручалась историческая часть программы, в том числе разработка проекта знамени и герба донского казачества. Планировался выпуск газеты «Донская волна» для объединения всех недовольных советской властью и пропаганды среди казачества основных программных положений.

Газете не суждено было выйти в свет, так как в феврале 1943 г. Ростов-на-Дону был освобожден от нацистов частями Красной Армии.

После оккупации Кубани немецкими войсками группы «Юг» ее командование получило разрешение на проведение эксперимента по созданию автономного казачьего района, в котором предполагалось после ухода немецких войск восстановление самоуправления. Казакам гарантировалась свобода в культурной, образовательной и религиозной деятельности. Предполагалось в будущем реорганизовать район в атаман-губернаторство. Казачий автономный район был сформирован к 1 октября 1942 г. и включал в себя шесть административных районов на нижней Кубани с населением около 160 тыс. чел. Хотя вопрос о создании этого территориально-административного образования не был согласован с чиновниками

Восточного министерства, тем не менее 5 ноября 1942 г. решение было утверждено. В конце января 1943 г. в связи с начавшимся отступлением немецких войск политический эксперимент был свернут.

Под контролем Восточного министерства Розенберга был сформирован Калмыцкий национальный комитет, руководителем которого был назначен Шамба Балинов. Калмыцким националистам было обещано создать после войны самостоятельное государство под протекторатом Германии (7).

Однако все эти национальные комитеты оказались недолговечными. Они существовали ровно столько, сколько сохранялся на территории юга России оккупационный режим.

Политический коллаборационизм, представленный национальными комитетами горских народов, калмыков и казачества, способствовал развитию более радикальной его формы — военного коллаборационизма.

После провала «блицкрига» в штабах и департаментах фашистской Германии начали задумываться о том, что не обойтись без помощи народов СССР. При этом составлялись меморандумы с предложениями о привлечении к участию в борьбе против СССР представителей «восточных горских народов» с оговоркой, что все предлагаемые мероприятия: гарантии национальной независимости, создание на контролируемых немцами территориях антисоветских правительств и вооруженных сил — носят тактический характер и в будущем могут быть подвержены любой ревизии.

Эти предложения вначале не находили поддержки в высших эшелонах власти нацистской Германии. Тем не менее в декабре 1941 г. Гитлер дал официальное согласие на формирование шести национальных легионов из военнопленных представителей горских народов. Так, за последующие два года были сформированы 7 северокавказских батальонов и два полубатальона. При формировании частей из граждан СССР главное внимание уделялось привлечению добровольцев, прежде всего тех, кто пострадал от советской власти в период сплошной коллективизации и сталинских чисток, был озлоблен репрессиями по отношению к себе и своим близким и искал случая, чтобы отомстить. И хотя таких добровольцев, готовых из политических побуждений сражаться на стороне врага, было относительно немного, они составляли активное ядро восточных военных формирований и служили надежной опорой немецкого командования. Из их числа готовили младших командиров для формирующихся частей.

Наиболее активно поиск добровольцев проводился среди военнопленных — представителей горских народов. Было объявлено, что последние по своим религиозным убеждениям являются в основной своей массе противниками большевизма и что с ними следует обращаться хорошо, чтобы завоевать их расположение.

Агитируя военнопленных за вступление в ряды вермахта, немецкие офицеры и пропагандисты из национальных комитетов горских народов обещали им хорошие жизненные условия, питание и денежное довольствие, равное жалованию немецкого солдата, а после войны — щедрое вознаграждение и разнообразные льготы.

По данным специальной комиссии во главе с генералом М. Гареевым, в общей сложности в немецком плену было около 4 млн советских военнослужащих. По немецким сведениям, общая численность советских военнопленных составляла 5,7 млн чел. К 1 января 1945 г. в плену, по немецким данным, продолжало оставаться более 900 тыс. чел. 500 тыс. пленных бежало из лагерей или было освобождено советскими войсками к февралю 1945 г. (8).

Причина трагедии военнопленных — в человеконенавистнической политике Гитлера, для которого территории на Востоке были прежде всего «жизненным пространством» для германской колонизации. Немецкое руководство рассчитывало на блицкриг и о пленных не заботилось — более 2,5 млн из них не пережили зимы 1941—1942 г. (9).

Невольную поддержку ему оказало советское правительство, хотя и заявившее с началом войны о своей готовности соблюдать основные условия Женевской конвенции об обращении с военнопленными, но фактически отвергнувшее два ее важнейших пункта о предоставлении Международному Красному Кресту списков попавших в плен солдат противника и разрешении посылок с родины для военнопленных. В результате гитлеровское командование оставило советских военнопленных без продовольствия и в необорудованных лагерях на произвол судьбы.

Так, на Ставрополье фашисты создали лагеря для военнопленных в таких городах, как Пятигорск, Георгиевск, Минеральные Воды и Ставрополь, на Дону — в Ростове-на-Дону и Миллерово, на Кубани — в станицах Белореченской и Апшеронской, в Адыгее — в г. Майкопе. В Апшеронской содержалось в концлагере около 5 тыс. советских военнопленных, в Майкопе находилось до 9 тыс. Концлагерь охранялся пленными красноармейцами под наблюдением немецких военнослужащих (10). Обстановка в лагерях для советских военнопленных была ужасающая: издевательства охранников, полчища вшей, один раз в день вонючая баланда и медленная смерть от голода. Кроме того, советское правительство объявило красноармейцев, попавших в плен, предателями и преступниками.

Учитывая условия, в которых находились военнопленные, беспрюирышным аргументом вербовщиков было напоминание о том, что в глазах советского руководства они уже в силу своего пленения являются предателями и изменниками. Таким образом, им удавалось убедить доведенных до последней степени страданий людей, что обратного пути для них нет. Для многих военнопленных именно это становилось последним толчком к их решению пойти на службу к немецким оккупантам и стать коллаборационистами.

Вступая в создаваемые немцами восточные формирования, многие надеялись, что до прямого участия в боях против своих соотечественников дело не дойдет, но зато по прибытии на фронт у них возникает реальная возможность вырваться из рук немцев и перейти на сторону Красной Армии, даже если у них впереди советский ГУЛАГ.

Других подкупало их новое положение в качестве солдат вермахта и связанное с ним улучшение питания и жизненных условий. Были и такие, кто выбирал

службу у немцев из карьерных побуждений, стремился завоевать доверие новых хозяев и навсегда связать с ними свою судьбу.

Не всех пленных командиры немецких частей отправляли в тыл, желающие получали хозяйственные «должности», освобождая тем самым немецкий состав, отправляющийся на передовую. Перебежчики и пленные шли на службу в немецкую армию в качестве конюхов, водителей, подносчиков снарядов и санитаров, саперов и военных строителей. Такие помощники стали именоваться «хиви» (*Hilfswillige* — добровольные помощники).

Так, в составе 6-й армии Паулюса в районе Сталинграда зимой 1942—1943 гг. находилось более 50 тыс. русского вспомогательного состава. К концу 1942 г. в группе армий «Юг» каждый пехотный полк имел в своем составе одну саперную роту, составленную из советских военнопленных. Установленные осенью 1943 г. штаты пехотной дивизии предусматривали около 15% добровольцев («хиви»).

Согласно статистическим данным управления Восточных войск, на 2 февраля 1943 г. общее число бывших советских граждан, состоящих на немецкой военной службе, составило 750 тыс., из них «хиви» — до 600 тыс.

О службе «хиви» дают представления «Основные направления по обучению добровольных помощников», разработанные штабом 6-й армии группы армий «Юг». В документе отмечается, что «целью обучения и воспитания является подготовка добровольных помощников в качестве надежных соратников в борьбе с большевизмом» (11).

В тыловом районе группы армий «Юг» формированием русских подразделений занимались немецкие армейские, полицейские, разведывательные части, штабы дивизий, полков и корпусов, а также военно-строительная организация ТОДТа и административные органы оккупантов.

Что же касается привлечения в ряды восточных формирований жителей оккупированных областей юга России, то здесь первое время действовал принцип добровольности. Но уже к концу лета 1942 г. по мере роста потребностей в охранных войсках, для замены направляемых на фронт немецких частей германское командование наряду с набором добровольцев фактически приступило к мобилизации годных к военной службе мужчин в возрасте от 18 до 50 лет под вывеской добровольчества. Суть такой мобилизации состояла в том, что перед жителями оккупированных территорий юга России ставилась альтернатива: быть завербованным в добровольческие формирования или угнанными на принудительные работы в фашистскую Германию. В конце 1942 г. на смену скрытой мобилизации пришло открытое принуждение с применением против уклонявшихся санкций вплоть до привлечения к суду по законам военного времени, взятие из семей заложников, выселение из дома и другие репрессии.

В связи с увеличением притока военнопленных — уроженцев Северного Кавказа — немецким руководством было принято решение о создании Центра формирований восточных легионов на Украине на базе 16-й пехотной дивизии. В Миргороде Полтавской области был создан штаб Северо-Кавказского легиона.

Командир формирования — полковник Ристав. До мая 1943 г. на Украине были сформированы два усиленных северокавказских полубатальона — 842 и 843-й.

Оценивая опыт использования частей восточных легионов на юге России, начальник штаба группы армий «Юг» генерал-лейтенант Грейфенберг указывал, что основная масса восточных батальонов не проявила высокой боеспособности. В конце 1943 г. большая часть восточных батальонов была переброшена в Западную Европу (12).

После начала Великой Отечественной войны калмыками заинтересовалось ведомство Розенберга. Под его контролем, как отмечалось выше, был создан Калмыцкий национальный комитет. Одновременно шла работа по созданию калмыцких подразделений и частей на оккупированной территории Калмыкии. Первым калмыцким формированием можно назвать спецподразделение абвергруппы-103. Оно было создано из добровольцев-военнопленных для ведения разведки на советской территории Калмыцкой АССР. Возглавил его зондерфюрер О.Р. Верба (он же доктор Долль).

Первоначально отряд дислоцировался в г. Степном (Элиста), впоследствии на базе отряда было развернуто так называемое «Спецподразделение доктора Долля». В конце 1942 г. Верба командовал уже Калмыцким воинским соединением. Сам доктор Долль происходил из судетских немцев и имел русские корни, долгое время жил в России, служил в белой армии, в эмиграции стал сотрудником абвера. В августе 1942 г. Долль завязал контакты с калмыцкими националистическими лидерами.

В середине сентября 1942 г. в 16-й немецкой моторизованной дивизии из числа бывших красноармейцев-калмыков 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии и местного населения был сформирован первый кавалерийский калмыцкий эскадрон. Он вел разведку и партизанскую борьбу. Вооружен был советским трофейным оружием, униформа — немецкая.

Калмыки первые из всех восточных союзников Германии официально получили признание, и немцы придали калмыцким воинским формированиям статус союзной армии. К ноябрю 1942 г. в Калмыкии действовало уже 4 кавалерийских эскадрона, а в конце августа 1943 г. сформирован Калмыцкий кавалерийский корпус (13).

Вместе с горскими народами юга России и калмыками особым расположением Гитлера пользовались также казаки. Казачество Дона, Кубани, Терек и Ставрополя с самого начала войны привлекало к себе внимание вермахта и министерства по делам оккупированных восточных территорий. Большую роль здесь играли контакты представителей казачьей эмиграции с германским руководством, среди которых приобрела популярность теория, согласно которой казаки считались потомками «готов», а следовательно, не славянами, а народом германского корня.

В «Положении о местных вспомогательных формированиях на Востоке», изданном в августе 1942 г., казаки выделялись в отдельную категорию равноправных союзников, сражающихся плечом к плечу с германскими солдатами против большевизма в составе особых боевых частей.

Инициатива формирования добровольческих казачьих частей исходила от армейского командования южного и центрального участков Восточного фронта. В начале октября 1941 г. командующим тыловыми районами групп армий «Центр» и «Юг» было разрешено начать формирование (в качестве эксперимента) казачьих частей из военнопленных и перебежчиков для использования их в борьбе с партизанами.

На южном участке Восточного фронта летом 1942 г. при штабе 17-й армии был организован казачий конный полк «Платов». В приказе начальника штаба армии генерал-майора Мюллера от 5 мая 1942 г. каждому корпусному штабу предписывалось сформировать одну, а армейскому — две казачьи сотни, которые планировалось объединить в полк. 13 июня 1942 г. был издан приказ, который объявлял о создании полка. Он насчитывал около 2 тыс. чел. из кубанских, донских и терских казаков. В сентябре 1942 — январе 1943 г. полк нес охрану объектов нефтедобычи, восстановленных немцами в районе Майкопа, в конце января 1943 г. действовал против партизан и передовых советских частей в районе Новороссийск—Анапа. Весной 1943 г. полк оборонял Кубанское предмостное укрепление, отбивая атаки советских десантников в районе Темрюка, в конце мая 1943 г. был снят с фронта и переведен в тыл. Позднее включен в состав 1-й казачьей дивизии.

Перед предстоящим наступлением немецких войск на юге России 6 июня 1942 г. на Украине в Мелитополе был создан Главный штаб формирования казачьих войск Кубани, Дона и Терека. Он проводил вербовку и направление всех казаков, годных к несению военной службы (из числа военнопленных), в армию для формирования казачьих частей; сборы, регистрацию и фильтрацию всех бежавших казаков с Дона, Кубани, Терека и Ставрополя, выявление из них наиболее преданных германскому командованию и направление годных к военной службе в формируемые казачьи части; набор из числа казаков, освобожденных от несения военной службы, надежных кадров для организации административно-хозяйственного аппарата в оккупированных казачьих областях или по указанию германского командования; пропаганду среди казачества за сражение их в войне на стороне фашистской Германии под лозунгом: «Великая Германия — друг казачества» и за организацию союза Кубани, Терека, Дона и Кавказа.

Для формирования казачьих частей использовались добровольцы из числа военнопленных лагерей в Виннице, Славутиче и Шепетовке. В июне 1942 г. в Винницком лагере был сформирован 1-й атаманский полк под командованием подполковника фон Вольфа, в составе трех дивизионов, общей численностью более 3 тыс. чел.

В Славутиче летом 1942 г. были сформированы: 2-й лейб-казачий полк; 3-й Донской полк и особая казачья полусотня, в которую набирались казаки, участники гражданской войны, а также репрессированные советской властью, имевшие по приговору не менее 10 лет.

Почти все казачьи формирования, созданные на Украине, являлись охранными частями, так как прослойка уроженцев Дона, Кубани и Терека среди их военнослужащих была незначительной. Боеспособность этих частей была невысокой,

так как для формирования прибывал личный состав из лагерей военнопленных, пронизанный советским подпольем.

В период оккупации немецкими войсками казачьих территорий юга России проходил второй этап формирования казачьих частей из местного населения. Целью и назначением формируемых казачьих частей являлось участие их в составе регулярных войск фашистской Германии на фронте против Красной Армии; создание в оккупированных казачьих областях юга России соответствующей опоры из сформированных казачьи сотен; засылка специальной агентуры из казаков в еще неоккупированные казачьи области Кубани, Терека, Ставрополя.

По каждому казачьему войску был назначен походный атаман, который одновременно являлся и начальником штаба этого войска. Походным атаманом Кубанского и Терского казачьих войск был назначен полковник Белый, походным атаманом Всевеликого Войска донского — полковник Павлов. Главный штаб формирования казачьих войск объявил в приказе № 1 о своем существовании и предложил всем казакам, офицерам и атаманам Кубани, Терека, Дона и Ставрополя явиться на сбор для обязательной регистрации с целью включения в формируемые казачьи части. Одновременно каждый походный атаман издал приказ по своим казачьим войскам о явке и регистрации всех казаков своих казачьих областей.

В Новочеркасске, как отмечалось выше, в октябре 1942 г. по указанию германского командования официально оформился орган управления донского казачества — штаб Войска донского. В состав штаба входили: С.В. Павлов — начальник штаба, С.Л. Духопельников — зам. начальника штаба, А.А. Сюсюкин — инспектор штаба, занимался организацией казачьих сотен для борьбы с советской властью. На устроенном торжественном сборе в Новочеркасске были обнародованы ближайшие задачи штаба Войска донского. Первоочередной и главной задачей была выдвинута организация добровольческих казачьих частей как для внутренней охраны, так и для борьбы с Красной Армией.

По времени формирования штаба Войска донского у историков нет единого мнения. Так, С. Чуев отмечает, что в сентябре 1942 г. в Новочеркасске с разрешения немецких властей прошел казачий сход, на котором был избран штаб Войска донского во главе с полковником С.В. Павловым.

По нашему мнению, штаб был создан в октябре 1942 г., о чем свидетельствует опубликованное по поводу проходящего сбора сообщение в газете коллаборационистов «Голос Ростова» от 27 октября 1942 г., в котором отмечалось, что «в городе Новочеркасске положено начало возрождению донского казачества. Ближайшей задачей штаба Войска донского является работа по уточнению путем регистрации казачьего населения области и формирования добровольческих казачьих частей».

По указанию штаба Войска донского Ростовское представительство проводило работу, связанную с учетом всех казаков и формированием добровольческих казачьих частей. Возглавлял Ростовское представительство В.М. Одноралов, бывший регент, полковник, который издал приказы № 1 и № 2, связанные с регистрацией и формированием антисоветских казачьих воинских частей. В приказе № 1 отмечалось: «Все казаки и казачки области Войска Донского, проживающие в гор. Росто-

ве-на-Дону, должны зарегистрироваться в районных организациях полиции по месту своего жительства. Регистрации подлежат казаки и казачки в возрасте от 14 лет и выше. Регистрация будет продолжаться от 30 октября до 5 ноября 1942 г. Незарегистрировавшиеся в этот срок (без уважительной причины) теряют право именоваться казаками со всеми вытекающими последствиями».

В приказе № 2, касающемся регистрации офицеров и военных чиновников, указывалось: «Все донские офицеры и военные чиновники должны зарегистрироваться в районных организациях полиции г. Ростова-на-Дону по месту жительства, имея на руках соответствующие документы. При отсутствии документов необходимо подтверждение 3-х лиц» (14). На периферии, в частности в городах Таганроге, Каменске и других, по примеру дореволюционного казачьего деления по областям Войска донского были созданы казачьи округа во главе с атаманами. Практически во всех 70 районах и городах Ростовской области были сформированы донские казачьи сотни.

В конце 1942 г. немецкие оккупантские власти усиливают коллаборационистскую направленность в отношении казачества юга России, стремятся в период поражения в Сталинградском сражении заручиться поддержкой казачьей части населения региона. В то же время стало очевидным фактом, что количество казаков-добровольцев оказалось незначительным. Поэтому германское руководство все шире стало прибегать к их принудительной мобилизации. При этом активно использовались методы угроз, запугивания и репрессий в отношении мобилизуемых казаков и членов их семей. В связи с этим можно сделать вывод, что казачьи формирования создавались тремя способами:

- за счет набора добровольцев;
- путем принудительной мобилизации;
- привлечением военнопленных из концлагерей.

Нередко попадавшие в плен солдаты и офицеры Красной Армии, не имевшие отношения к казачеству, называли себя казаками, чтобы вступить в немецкую армию и избежать тем самым голодной смерти.

С ноября 1942 г. командование вермахта, испытывающее все большую нехватку личного состава, принимает решение начать формирования на Дону, Кубани и Тереке казачьих частей. Так, в Новочеркасске был сформирован первый Донской казачий полк и практически одновременно — первый Синегорский казачий полк, который насчитывал 1260 казаков и офицеров и базировался в начале декабря 1942 г. в районе Миллерово.

На Кубани в районе станции Уманской был сформирован первый Кубанский казачий полк, который затем дислоцировался юго-западнее Кропоткина. Терские казаки составили ядро первого Волжского казачьего полка. Он был набран из казаков станиц Горячеводской, Эссентукской, Кисловодской, Бургустанской, Бекешевской и Суворовской Ставрополя.

Офицерский состав штаба Войска донского и его представительств (в Ростове-на-Дону и Каменске), а также казаки местных формирований (казачьи сотни) носили форму донских казаков, существовавшую при царском самодержавии.

Казачьи части, влившиеся непосредственно в состав германской армии, снабжались и финансировались германским командованием. При этом казаки, служившие в войсках вермахта, принимали военную присягу, в которой обещали и клялись верно служить Гитлеру и бороться с большевизмом. Местные же казачьи сотни находились на местном снабжении. Представители этих сотен, разъезжая по селам и станицам, собирали через атаманов и старост продукты, вещи, деньги на содержание личного состава казачьих сотен, что подтверждается архивными документами, например: «...Касса, выдайте в порядке пожертвования добровольческой донской казачьей сотни 1000 руб. Староста сельхозпредприятия № 10» (15) (сельхозпредприятие № 10 — это бывший колхоз имени Буденного на хуторе Бирючий Самарского района).

Штаб Войска донского помимо формирования войсковых соединений из среды казачества проводил также вербовку и среди калмыков. Так, был сформирован Калмыцкий кавалерийский корпус, который вошел в подчинение штаба Войска донского.

При этом в состав калмыцкого кавалерийского корпуса входили «казакоманы», которые являлись представителями калмыков-донцов и не мыслили себе жизнь без объединения с казачеством в рамках федерации «Казакция». В то же время в калмыцкий восточный легион доктора Доля в большей степени входили калмыки-националисты.

Лидеры калмыков-националистов С. Балыков, Ш. Балинов вели работу по объединению всех калмыков, их политическому пробуждению и борьбе против русских и «казакоманов».

Для вербовки казачества в воинские формирования использовались воззвание белого генерала Краснова и заверенный нацистами приказ походного атамана Павлова, в котором казакам в возрасте от 20 до 45 лет предписывалось вступить в казачьи формирования.

Генерал Краснов планировал создание крупных казачьих соединений, оснащенных современной техникой (танками, артиллерией, авиацией). По его мнению, общая численность казачьих формирований в составе вермахта могла быть доведена до 100 тыс. человек, до 10 дивизий (16).

Процессы образования добровольческих казачьих формирований, подобных Всевеликому Войску донскому, происходили и в Кубанском и Терском казачьих войсках. Так, например, 13 декабря 1942 г. коллаборационистская газета «Ставропольское слово» поместила заметку о казаке станицы Горячеводской, бывшем хорунжим К.Д. Кравченко, который с первых дней оккупации края вступил добровольцем в ряды казачьих частей германской армии. Он командовал казачьей сотней в четырех боях с красными. Три боя прошли успешно. Лозунгом казаков было: «За каждый год большевистского ига уничтожить хоть по одному большевику». В четвертом бою Кравченко был ранен и попал на лечение в родную станицу Горячеводскую. За подвиги его наградили германским орденом «За храбрость» и нагрудным знаком за ранение.

Через ту же газету «Ставропольское слово» к землякам обратился казак станицы Кубанской Н. Герасименко: «Пробил час освобождения кубанского казачества. Все, у кого в жилах казачья кровь, должны совместно с нашими освободителями германцами закончить разгром наших злейших врагов — большевиков».

В сентябре 1942 г. в Краснодаре началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии, которая вскоре в районе Майкопа приняла участие в боях против Красной Армии.

Ее название «добровольческая» весьма условно, ибо часть казаков вступили в нее, польстившись на различные льготы. Их семьям выдавалось вознаграждение в 500 руб., некоторым предоставлялись дополнительные земельные наделы в 1 га на человека и по две лошади на хозяйство, наполовину снижались налоги.

В конце 1942 г. седьмая добровольческая казачья дивизия насчитывала 5 тыс. чел., в том числе 2 тыс. активных сабель. В разных источниках боевая эффективность данной дивизии оценивается по-разному. Так, историк Линец отмечает, что гитлеровцы были не лучшего мнения о боевых качествах казаков этой дивизии, и поэтому она в основном находилась в резерве 17-й немецкой армии. Но по сравнению с подразделениями «восточных легионов», включающих представителей народов Северного Кавказа, отмечает Линец, боеспособность казачьих соединений в составе группы армий «Юг» находилась на соответствующем уровне. Более справедливо, по нашему мнению, второе суждение Линца, так как степень доверия германского военного командования к казачьим формированиям была весьма высокой. Тем более что в исторической литературе не отмечено ни одного случая перехода казачьих соединений от немцев на сторону Красной Армии.

Казачьи полки и сотни, сформированные из военнопленных и населения казачьих областей Дона, Кубани и Терека, оккупированных немцами летом 1942 г., активно участвовали в боях против Красной Армии и партизан. Из наиболее боеспособных из них в 1943 г. была сформирована 1-я казачья кавалерийская дивизия под командованием германского генерала Г. фон Паннвица, развернувшаяся в конце войны в 15-й казачий кавалерийский корпус, действовавший до конца военных действий на Балканах (17).

Воссоздание полной и объективной истории Второй мировой войны по-прежнему остается важнейшей задачей российской исторической науки. Только недавно с открытием ранее недоступных для исследователей архивов появилась возможность обсуждать многие «закрытые» прежде исторические проблемы. Одной из них, несомненно, является тема «советского коллаборационизма» в годы Второй мировой войны. Однако если раньше все эти проблемы попросту замалчивались, а в случае если где-то и упоминался генерал А.А. Власов, «Русская освободительная армия» или казаки в рядах Вермахта, то они назывались исключительно предателями, продавшимися нацизму, то сегодня мы наблюдаем прямо противоположную картину. Ряд «свободных» журналистов, авторитетных комментаторов, писателей, публицистов и некоторых исследователей на волне так популярной в последние годы ненависти к советскому государству крайне односторонне трактуют эту сложнейшую проблему. Они называют коллаборационистов или случайными жертвами обстоятельств, когда под страхом смерти они были вынуждены

предпочесть предательство или даже стать «героями», выступившими либо против «античеловеческого сталинского режима», либо против «Сталина и Гитлера» одновременно. Словом, по их мнению, предателей и предательства не было.

Сегодня дошло даже до того, что Великую Отечественную войну называют «Великой гражданской войной 1941—1945 гг.», когда брат шел на брата, а сын на отца.

Переосмыслить события минувшей войны, отнять у нас эту войну как войну Отечественную, освободительную, как мне представляется, не удастся. Нет сомнений в том, что именно народы, населявшие СССР, и, прежде всего, русский народ внесли решающий вклад в победу над фашизмом. Сегодня хорошо известно, какая участь ожидала нашу страну в случае победы Гитлера: голод, унижение и страдания, превращение в ближайшей перспективе в рабов, физическое уничтожение основной массы населения в будущем. Лишь немногие, кто в немецких планах более или менее походил на арийцев, должны были остаться в живых, но при условии полного их онемечивания и потери национальной самобытности. Это были не мифы, а вполне реальные планы Третьего Рейха, неоднократно подтвержденные не только немецкими документами, но и действиями оккупантов на оккупированных территориях.

Между тем явление «коллаборационизма», особенно «советского коллаборационизма», очень сложно и многогранно и требует к себе пристального и объективного внимания со стороны исследователей именно с целью преодоления одностороннего подхода к исследованию истории войны. Это актуальная задача нашего времени

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. — М., 2000. — С. 9.
- (2) АПИМК, историческая справка краеведа П.Н. Никитина. — Пятигорск, 1975. — С. 3.
- (3) Отечественная история. — 2001. — № 6. — С. 67.
- (4) Народный подвиг в битве за Кавказ: Сб. статей. — М., 1981. — С. 256.
- (5) Северный Кавказ. — 2002. — № 19. — С. 13.
- (6) Отечественная история. — 2001. — № 6. — С. 67.
- (7) Чуев С. Проклятые солдаты. — М., 2004. — С. 143.
- (8) Семиряга М.И. Коллаборационизм... — С. 452, 478—479.
- (9) Преступные цели — преступные средства: док. об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). — М., 1968. — С. 163—164, 173—174.
- (10) Круглов А.И. Ставропольский край в истории России (1941—1997). — Ставрополь, 1997. — Часть III. — С. 40.
- (11) Чуев С. Проклятые солдаты. — М., 2004. — С. 62, 63.
- (12) Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939—1945. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. — М., 1999. — С. 6—10.
- (13) Чуев С. Проклятые солдаты. — С. 510—512.
- (14) ГАРО. — Ф. 3983. — Оп. 1. — Д. 126. — Л. 3—4, 6.
- (15) ГАРО. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 3, 7.
- (16) Северный Кавказ. — 2002. — № 22. — С. 13, 14.
- (17) ЦДНИСК. — Ф. 4372. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 20.

**POLITICAL AND WAR
COLLABORATION IN THE SOUTH OF RUSSIA
(the years of fascist occupation 1941—1943)**

E.I. Zhuravlev

Rostov Construction State University
Sotsialisticheskaya str., 162, Rostov-na-Donu, Russia, 344062

The paper investigates the problem of political and war collaboration which was wide-spread in the South of Russia during the Great Patriotic war in spite of the fact that Hitler tried to limit collaboration particularly in the political war sphere.

The causes of that were political, social-economic, national and religious factors.

They gave birth to a large number of unsatisfied people by the Soviet power especially among cosaks and people living in the North Caucasus.

Key words: collaboration, political collaboration, national committee of collaborationers, occupational policy, cosak's Committee, a group of Germanic armies «South», cosaks, prisoner war, war collaboration.